

Марцинковская Т.Д.
Незримый колледж Галины Михайловны Андреевой
в поле культуры XX века

Martsinkovskaya T.D.
Invisible college of Galina Mikhailovna Andreeva
in the framework of the culture of XX century

Федеральный научный центр психологических и междисциплинарных исследований, Россия, Москва
Российский государственный гуманитарный университет, Россия, Москва
Московский институт психоанализа, Россия, Москва

В настоящее время в сложном и неопределенном социальном мире развиваются различные теории, отвечающие на вызовы новой цифровой эпохи. Однако представляется, что концепция социального познания Г.М. Андреевой не потеряла актуальности и сохраняет свою эвристичность и сегодня. Целью статьи является представить целостную картину теории Г.М. Андреевой, которая сделала ее научной школой и центром незримого колледжа, объединяющего учеников и последователей Г.М. Андреевой. Используются методы историко-генетического подхода, исторической герменевтики и категориального анализа, позволившие раскрыть продуктивность концепции психологии социального познания, ее трансдисциплинарность и связь с постмодерном, и различия с идеями У. Эко и Ж. Пиаже. Показаны варианты существования научных школ в естественных и гуманитарных науках, отражены факторы, определившие продуктивность и адекватность для социальной психологии второй половины XX века научной школы Г.М. Андреевой. Описаны особенности новой методологии и метода данной школы и развернута ее связь с теорией деятельности А.Н. Леонтьева. Выделены принципы (активность и целостность) и элементы системы, связующие социальную психологию с философией и лингвистикой, раскрыто новое содержание понятий бытие, знак и значение. Именно специфика подхода к этим понятиям позволила поставить изучение социального бытия в центр психологии социального познания, а развитие понятий значения и смысла стало основанием для изучения идентичности, общения и социализации, связи когниций и эмоций. Очерчены подходы к анализу взаимодействия личности и общества и выявлены ее связи с теориями отечественных и зарубежных ученых. Делается вывод о том, что идеи, заложенные в концепции Г.М. Андреевой, доказали свою продуктивность даже в цифровом мире, помогая выстраивать новые связи между социальной и когнитивной психологией, выявляя иные аспекты

как в гуманитарных, так и в естественнонаучных исследованиях человека и общества. Структура развивающегося гештальта определяет не только огромный потенциал психологии социального познания Г.М. Андреевой, но и плодотворность дальнейшего расширения ее «незримого колледжа».

Ключевые слова: научная школа Г.М. Андреевой, незримый колледж, трансдисциплинарность, постмодерн, теория деятельности, значение и смысл

Для цитирования: Марцинковская, Т.Д. Незримый колледж Галины Михайловны Андреевой в поле культуры XX века // Новые психологические исследования. 2024. № 4. С. 44-61. DOI: 10.51217/npsyresearch_2024_04_04_02

Введение

Научная школа, созданная Галиной Михайловной Андреевой в середине прошлого века на факультете психологии МГУ, неоднократно была предметом изучения (Марцинковская, 2005; Марцинковская, Хорошилов, 2023; Константа в изменяющемся мире, 2024). Однако она еще не стала предметом анализа с точки зрения ее методологии, ее места в системе мировой науки как того времени, так и современности. Кардинальные изменения, происходящие в мире, стали вызовом и для социума, и для науки, в том числе и для социальной психологии. Это делает такой анализ не только актуальным, но и необходимым для продуктивного развития психологической науки.

Историческая психология науки

Прежде всего, обратимся к понятию «Историческая психология науки», которое было разработано М.Г. Ярошевским (1994). Он писал, что история науки рассматривает становление нового знания как результат не только интеллектуальной активности ученых, но и как эффект их коммуникативной активности. Поэтому при анализе причин появления и развития новых идей и новых научных школ необходимо учитывать социальные и экономические условия их возникновения, требования общества и практики, а также содержание смежных теорий оппонентного круга ученых, концепций их авторов. Похожие мысли высказывал и М.М. Бахтин (1997), который подчеркивал, что авторская речь учитывает и «чужое слово», без чего она была бы другой.

Понятие незримого колледжа также входит в аппарат исторической психологии, дополняя и расширяя понятие научной школы. Продуктивное развитие нового направления всегда стимулирует появление многочисленных научных школ. В истории науки есть два

варианта научных школ – центрированной или вокруг научной идеи, или харизматической личности лидера.

В первом варианте целью является осуществление определенной научной программы. В основе данной школы лежат идеи основателя, которые развиваются и дополняются его коллегами и последователями. Такой, например, была школа гештальтпсихологии, созданная на основе лаборатории по исследованию восприятия. В том случае, если исчерпывается научная программа основателя школы или возникают серьезные препятствия для продолжения исследований, эта научная школа заканчивает свое существование, сменяясь другими школами. Часто подобный вариант научной школы представляет собой собрание ученых, изучающих одну актуальную проблему, которая может не центрироваться и даже не всегда быть тесно связанной с личностью первого ученого, разработавшего новую теорию, но активно продолжающих исследования в данном направлении. Такими были школы А. Эйнштейна, И.М. Сеченова, З. Фрейда.

В то же время существуют научные школы и другого плана, в чьей основе существования лежит не только научная идея, но и лидер, являющийся учителем для своих сотрудников; он формирует научное самосознание будущих коллег, заражая их собственным отношением к своим идеям. Так складывается коллектив новой школы. Примером являются научные школы Г.И. Челпанова или Э. Резерфорда. В обоих случаях это школа, созданная лидером и учителем. Иногда идея может быть не очень новой (создание экспериментальной психологии) у Г.И. Челпанова или принципиально новой (исследование радиоактивности и модели атома) у Э. Резерфорда. Но главное, что лидер является и учителем, наставником, который не только сам работает, но и собирает группу последователей, учит их, выращивая из них больших ученых. Так в школе Челпанова выросли П.П. Блонский, Г.Г. Шпет, впоследствии – А.Н. Леонтьев, А.Р. Лурья, Л.С. Выготский. А в школе Э. Резерфорда – Н. Бор, П.М.С. Блэккетт, О. Ган, П.А. Капица. Такая школа не разрушается после ухода учителя, но оканчивает свое существование только в том случае, когда распадаются эмоциональные связи между учителем и учениками-сотрудниками. При этом она может трансформироваться в новую группу, когда собираются уже ученики учеников.

Как правило, определенное научное сообщество становится школой либо первого, либо второго типа.

Однако уникальность научной школы социальной психологии, созданной Г.М. Андреевой (2002), состоит в том, что она сочетает

в себе черты обеих школ – то есть, существует и ясно очерченная программа исследования, и четкая методология, в парадигме которой проводились все работы учеников и сотрудников Г.М. Андреевой. В то же время ей присущи и все черты школы, где доминирует яркий харизматический лидер и присутствует эмоциональная сплоченность между ее членами.

Расширение школы вне официальных и структурированных рамок до неформального объединения большой группы людей, связанных общей мотивацией и общими идеями развития науки, знаменует появление незримого колледжа. В истории науки описанный вариант развития характерен для многих школ, показавших новые пути для науки и воспитавших плеяду учеников, ставших основателями новых, близких к первоначальной, научных школ.

Такая трансформация из официальной школы в незримый колледж произошла и с научной школой Г.М. Андреевой еще в конце прошлого века.

Постмодерн и трансдисциплинарность

Что же стимулировало расширение идей данной школы и стало притягательным для многих ученых? Безусловно, заложенная Г.М. Андреевой методология и ее гармоничное соединение с трендами мировой науки, связанными с постмодерном, и не всегда явная, но четко прослеживающаяся трансдисциплинарность.

Изначально в основание школы была положена методология исследования социального бытия как открытого гештальта, своеобразного психологического хронотопа. Этот хронотоп включал как субъективные время и пространства конкретных людей, так и объективные параметры временного и пространственного континуума социального мира. Разомкнутость гештальта сделала методологию этой школы открытой для новых идей, созвучной постмодернизму и трансдисциплинарности, и, в целом, новой науке, науке XXI века. В оппонентный круг Г.М. Андреевой входили современные отечественные психологи, а также ведущие зарубежные теоретики. Это стало одним из факторов, позволивших ее концепции легко войти в современную науку, так как отвечало сетевому принципу отбора информации, при котором соединяются корреспондирующие с данной методологией концепции, сплетаясь между собой в своеобразный «коллаж».

Согласно постмодернистскому взгляду, мир – многомерен и многогранен, образ мира – это своего рода мозаика, складывающаяся

из отдельных образов, представлений, теорий. И, как и мозаика в калейдоскопе, образ мира, каким он нам предстает, зависит, прежде всего, от нашего сознания, от нашей интенции, которая и определяет «поворот» калейдоскопа и изменение картины мира. С этой точки зрения, эволюция научного знания рассматривается как последовательная смена теорий, каждая из них более точна и более применима, чем предыдущие, но ни одна не представляет собой полное и окончательное описание явлений, ни одна не несет абсолютную истину. Именно поэтому наука в поисках ответов на кардинальные вопросы должна выйти за пределы условных границ между дисциплинами, используя те «языки», которые оказываются подходящими для описания различных аспектов многоуровневой, взаимосвязанной реальности.

Недаром У. Эко (2004, 2016) фокусировал внимание на незавершенности культуры и возможностях различных интерпретаций семиотических знаков. Одной из центральных для него была проблема интерпретации: взаимоотношения читателя и автора и феномен «открытого произведения», то есть такого, где резко возрастает творческая роль «исполнителя», не просто предлагающего ту или иную трактовку, но становящегося реальным соавтором. Это положение коррелирует с идеей Г.М. Андреевой о важности учета активности человека во взаимодействии с обществом и друг с другом. Таким образом, уже в постмодерне анализируются межпредметные и междисциплинарные связи, а активность людей в их взаимодействии с миром и открытая форма этого взаимодействия уже прямо относит нас к трансдисциплинарности. Ведь изменчивость мира, о чем в последние годы писала Г.М. Андреева, может трактоваться как феномен открытой книги, причем жизнь перелистывает и перепутывает страницы, а человек должен выстраивать их в нужном для него порядке.

В мировой науке идея трансдисциплинарности была заложена Ж. Пиаже (Piaget, 1972). Он исходил из того, что при трансдисциплинарности междисциплинарные связи входят в глобальную систему, при этом отсутствуют четкие границы между отдельными дисциплинами. Подобный взгляд был близок Г.М. Андреевой, так как не только давал возможность выхода за пределы поля одной концепции и объяснительных принципов одной науки, но и наполнял понятия социальной психологии избыточными смыслами, открывая возможности их сравнительного толкования в других концепциях и науках. Таким образом, перед нами не просто междисциплинарные исследования на стыке психологии, философии, социологии, лингвистики и культурологии. Это именно целостная трансдисциплинарная структура.

Методология новой школы социальной психологии

Эта методология создавалась Г.М. Андреевой фактически с чистого листа, так как с начала 1930-х годов социально-психологическая тематика была практически закрыта для изучения.

Следует подчеркнуть, что, открытость и межпредметный характер социальной психологии приводил к необходимости с самого начала выстраивать ее концепцию на четкой методологической основе, вводить в рамки определенной парадигмы, в которой бы объяснялись и получали смысл и истолкование эмпирические данные. Не менее важным были и поиски адекватного метода исследования. Острота этого вопроса была связана еще и с тем, что, в отечественной психологической науке и позитивизме было много общего. Но психология – не только естественная наука, но и гуманитарная. Поэтому критерии объективации метода, введенные еще О. Контом, были мало пригодны для социальной психологии. Э. Гуссерль (2005) также писал о том, что и социология, и психология имеют дело не с одной естественной, но и с искусственной средой, причем сама социальная действительность есть продукт нашего знания о ней. Поэтому традиции естественнонаучного знания не применимы при изучении психологических явлений. Специфика психологических исследований определяется тем, что они призваны не только установить связь между внешними проявлениями, деятельностью и внутренними состояниями субъекта, но и проинтерпретировать эту связь. При этом всегда возникают субъективность в толковании полученных фактов, также как и сомнения в истинности не столько самих этих фактов, сколько в их связи с означенным психологическим феноменом.

Однако, особенно в социальной психологии, такой субъективности избежать при анализе психологических явлений совершенно невозможно, так как испытуемый одновременно и объект эксперимента, и всегда его субъект, привносящий свою мотивацию, свой опыт и способности в его результаты. Активен и исследователь, который на основании своего опыта, своих целей и установок и конструирует, и интерпретирует данные. Причем плохо не то, что мы не можем избежать этой специфики, но то, что мы ее не всегда учитываем.

Поэтому теория деятельности стала ведущей для новой методологии, разрабатываемой Г.М. Андреевой на факультете, она помогала и в разработке методов исследования окружающего общества (Андреева, 2003). Деятельностная парадигма, претерпевшая в теории

А.Н. Леонтьева (1977, 1983) серьезные изменения к 1970-м годам, оказалась очень созвучной социальной психологии. Она позволяла разработать методики, которые, оставаясь в рамках объективности, открывали бы возможность исследовать и субъективные параметры общения. Именно с данной точки зрения важным представляется сегодня выделение трех сторон общения в школе Г.М. Андреевой. Это позволило говорить не только о мотивационной, не доступной для прямого и непосредственного исследования составляющей, но и о взаимодействии, обмене информацией и восприятии, происходящих в процессе общения и открытых для построения исследовательских методик.

Таким образом, экспериментальные методики, направленные на изучение внутреннего состояния человека, его мотивации в разных видах деятельности и в разных действиях, преломлялись для изучения определенной деятельности – общения в его разнообразных ипостасях. Занимающие существенное место в социальной психологии прикладные аспекты – психотерапия, тренинги, менеджмент и т.д., которые не развиваются сами по себе без опоры на фундаментальную науку, – также нашли свое место в русле деятельностного подхода, получив возможность разработки новых технологий управления и обучения (Марцинковская, 2005)

Социальная природа личности, постулируемая в концепции деятельности, опиралась также на положение К. Маркса о том, что без обращения к другим человек не может понять и себя. Тем самым категория общения вводилась в социальный контекст и связывалась с категорией личности, что позднее также актуализировалось в исследованиях, посвященных социальной психологии личности. А в 1970-е годы принцип «социального контекста» давал возможность выхода из стерильного мира лаборатории и идеальной «отрешенной» среды – к среде социальной, к социальному бытию. Не менее важными в проводимых исследованиях были и два других методологических принципа – принцип активности и принцип целостности (идентичности) (Константа в изменяющемся мире, 2024).

Субъектная отнесенность, предполагающая, прежде всего, поиск методик, опосредованно отражающих структуру духовного мира личности, получает возможность объективации результатов, соотносясь с проблемой деятельности, поступка человека. Серьезной проблемой здесь становится соотношение не столько разных принципов развития личности (теории деятельности, психоанализа, экзистенциализма), сколько вопрос о детерминантах этого развития.

Жесткий детерминизм, постулированный в теории деятельности, не сочетается с постмодернистским утверждением того, что процесс духовного становления, самореализации человека не ограничивается причинно-следственными связями, но может быть рассмотрен через связи смысловые. В то же время выход из пространства причинно-следственных отношений неминуемо приведет психологию личности к сакральному взгляду на психику человека, признанию духовных феноменов трансцендентными, не поддающимися научному исследованию и объяснению. Поэтому естественной именно для новой методологии представляется позиция, при которой психическая жизнь человека выводится из-под законов естественнонаучной детерминации, но вводится в русло культурной детерминации, управляющей продуктивной деятельностью людей. При этом именно в контексте определенной культуры и социальной ситуации развития, можно судить и о причинах, и о смысле того или иного поступка человека, и о его значении для окружающего.

Принцип целостности, как неоднократно подчеркивалось в работах Андреевой, хотя и не в такой явной форме, как понятие активности, также присутствовал в работах Леонтьева, прежде всего, в его понятии «образ мира». В то же время особую роль этот принцип играл в психоанализе. Само понятие холизма в психологию личности было внесено А. Адлером (1997), также как и первые попытки конструирования такой отрасли, как социальная психология личности. Психоаналитическая позиция присутствует, естественно, и в работах Э. Эриксона (1996, 2000), занимающих и на сегодняшний день важное место в психологии личности. Но все большее внимание в последние годы вызывают вопросы осознанного выбора человеком своей позиции в мире, своей группы идентичности, присущих ему ценностей.

Это приводило к новому ракурсу исследования процесса взаимодействия человека с окружающей социальной средой, важнейшей детерминантой которого становилось социальное познание. Категория социального познания, ставшая ведущей в школе Г.М. Андреевой (2004, 2013), объединяя научно-исследовательские работы сотрудников кафедры, ее учеников и последователей, предугадала как магистральное направление современных работ в социальной психологии, так и трансдисциплинарные тенденции современной науки.

Система психологии социального познания в контексте философии и лингвистики

Соединяя разные дисциплины и различные научные подходы в сложной системе нового знания о социальной психологии, необходимо было выделить основные точки пересечения этих наук, которыми стали понятия бытия, значения и смысла.

Понятия значения и смысла, знака и символа были одними из ведущих проблем в первой половине XX века. Однако интерес к ним сохранялся и в 1970–1980-е годы, так как изменение, пусть не такие кардинальные, как в начале XXI века, происходили и в то время, наполняя новым содержанием эти известные понятия. Представляется, что особенно значимой является связь между подходами начала XX века у Э. Гуссерля и середины века в концепции А.Н. Леонтьева. Именно в идее смысла есть некоторое связующее звено, позволяющее перебросить мостик от Э. Гуссерля (2005) к концепции значения и смысла А.Н. Леонтьева (1977). Позиция Э. Гуссерля дает возможность соотнести несколько пластов бытия, в том числе: значение и смысл предмета (что относит нас к А.Н. Леонтьеву) и значение и представление, внутренняя форма предмета (что относит к Г.Г. Шпету (1996)).

Как уже описывалось в моих предыдущих работах (Марцинковская, 2005), благодаря феноменологической редукции раскрывается содержание идеального бытия, однако для социальной психологии важнее содержание реального бытия вещи, которое часто существенно отличается и от естественного, и от идеального. Ведь любая вещь несет на себе отпечаток различных видов бытия (абсолютного, трансцендентного, социального, природного и т.д.), и их естественность есть весьма условная часть действительности. Значение – это и есть тот исток, тот априорный момент, передающий нам в виде общего понятия истину об объекте. Так погружение в суть предмета, при всем эмпирическом понимании его субъективности, предполагает и объективное познание. А.Н. Леонтьев (1977) подчеркивал значение общественной практики, в процессе осознания результатов которой возникают значения и смыслы, выстраивающиеся в иерархию мотивов личности. В отличие от него, Э. Гуссерль (2005) и Г. Шпет (1996) отдавали приоритет не практике, но сознанию, чьи феномены отображают разные виды бытия. Э. Гуссерль писал, что окружающая нас действительность в первую очередь не природная, а социальная, историческая, культурная, а потому любая вещь несет на себе отпечаток различных видов бытия. Продолжая эту мысль,

Г.Г. Шпет акцентировал внимание на том, что все виды бытия соединяются в бытие социальном, отражающем и мысли человека, и реальные предметы, и предметы творческого воображения.

Таким образом, появляется возможность для исследования социализации человека, присвоения им в процессе деятельности продуктов (реальных и идеальных), если соотносить содержание сознания, внутреннего мира человека с миром культуры. Именно этот мир и является целью социального познания, а сам процесс взаимодействия и его результат превращает человека в социально-культурного субъекта, а его поведение из естественного трансформируется в поведение, имеющее определенный социальный смысл. И здесь у Г.М. Андреевой разные виды бытия органично связываются с различными философскими и психологическими дискурсами – социальное бытие человека превращает его в социальную личность, чье поведение служит определенным знаком для других людей и одновременно для него самого. Так в целостную концепцию добавляются лингвистика и культурология – все это в естественной рамке и интерпретации структуры социальной психологии Г.М. Андреевой.

Эмпирический опыт соединяет значение и личностный смысл, причем именно в том плане, какой вносится в это понятие А.Н. Леонтьевым, тем самым объединяя несколько пластов нашего бытия в единое целое. В то же время опыт человека носит не только личностный, но и надличностный характер, а потому появляется еще и идеальное представление, связывающее личный опыт с культурой.

Однако если личностный опыт еще может быть получен человеком в собственной индивидуальной деятельности, то появление надличностных феноменов сознания невозможно без общения с другими. Ведь именно в процессе коммуникации люди передают друг другу как значения, так и свои смыслы, часто бессознательно путая одно с другим. Поэтому важным фактором в формировании личностной и социокультурной идентичности является необходимость их соотношения, так как параметры, по которым осознаются и оцениваются качества личности, представляют собой нормы и ценности общества.

Постижение объективного (значения) и субъективного (смысла) содержания знаков, происходящее в социальном познании, ставит вопрос о той картине, образе мира, что возникает в сознании человека. Многочисленные исследования показали многомерность этой картины, где, как в гениальной инсталляции, уживаются и дополняют друг друга различные представления, порожденные

разными видами бытия. Целостность этой системы представлений, являющуюся важнейшим условием ее существования, доказывается не только работами Г.М. Андреевой (2013), А.Н. Леонтьева (1977) и С.А. Рубинштейна (1957, 1973), но и материалами Э. Эриксона (2000), К. Левина (2001), С. Московичи (1998).

Возвращаясь к понятиям значения и смысла, необходимо рассмотреть и связь психологии социального познания с лингвистикой. Так как при понимании речи другого происходит как бы воссоздание аналогичных, но не тождественных понятий, процесс передачи информации основывается на «когнициях», то есть, обобщении и кодировании информации, а затем ее декодировании реципиентом. Абсолютно строй представлений и образов разных людей не совпадает, поэтому, чем точнее мы поймем, что именно мы хотим сказать, какую информацию передать другому, тем более правильную форму найдем для выражения своих мыслей и, таким образом, более адекватно воздействуем на сознание другого человека, который сможет воссоздать соответствующие нашим мыслям понятия.

Поэтому представляется, что в систему психологии социального познания может в дальнейшем органично войти концепция Н.И. Жинкина (1998), сегодня неадекватно узко представленная в рамках психологии речи. Методологические положения, в русле которых культура, информационное общение людей являются одной из ведущих образующих их самосознания, с необходимостью ставят перед Н.И. Жинкиным задачу анализа текста в процессе коммуникативной деятельности, что и делает эту концепцию органичной для психологии социального познания. В своих работах он поднимает вопрос о том, что, кроме речедвигательного кода, возможно существование и других кодов, также связанных с мышлением, но не имеющих непосредственного отношения к формам языка. Введенное им понятие универсального предметного кода помогает понять не только отношение между разными видами языка, мышления и речи, но и передачу кросс-культурной информации в процессе взаимодействия разноязычных коммуникаторов.

А так как, по мнению А.А. Потебни, понимание есть одновременно и непонимание, то и межличностные и, тем более, межгрупповые коммуникации часто приводят к недоразумениям. Это переводит проблему «когниций» в проблему эмоций, сопряжение которых, как подчеркивается Г.М. Андреевой, всегда происходит в процессе социального познания, так как познание социальных объектов всегда оценочно, эмоционально насыщено. Естественно, эта проблема, так

же, как и вопросы, связанные с изучением коммуникаций в разных социальных и этнических группах (расшифровка и интерпретация системы знаков, составляющих содержание ментальности данной нации), стали важнейшими в ее концепции.

Соединение рациональных и эмоциональных компонентов в процессе познания ярко показано в работах Г.М. Андреевой. При этом наиболее полное соединение «когниций и эмоций» происходит в переживаниях. Отличительной особенностью переживаний является наличие в них двух аспектов – мотивационного (энергетического) и когнитивного, что делает их уникальным механизмом развития человека. Само по себе понятие «переживание», развиваемое в теориях С.Л. Рубинштейна и Г.Г. Шпета, относится несколько опосредованно к школе Андреевой. Однако если исходить из того, что школа, как было сказано в начале, объединяет в себе не только прямых учеников Андреевой, то по смыслу исследования роли переживаний в процессе социализации и формирования идентичности могут быть представлены и в психологии социального познания. Прежде всего, это относится к социальным переживаниям, которые отражают, с одной стороны, осознание норм, правил, оценок, а с другой стороны – их принятие или непринятие и оценку себя в соответствии с ними. Таким образом, эти переживания могут рассматриваться как механизм, при чьей помощи идет соединение объективных и субъективных параметров в личностной идентичности.

Такой подход показывает связь общих принципов школы Андреевой не только с когнитивизмом и постмодернизмом, но и с некоторыми современными положениями естественных наук, например, с теорией самоорганизации И.Р. Пригожина (1985), так как культура может рассматриваться как фактор, структурирующий и выстраивающий процесс социализации и становления социокультурной идентичности в кризисные периоды. Это связано с тем, что культура эмоционально воспринимается как единое целое и, что еще более важно, как одна из составляющих идентичности (Я – культурный человек), а потому она дает укорененность и устойчивость, необходимые в сегодняшней жизни, которая многими воспринимается как разломанная и неопределенная.

Общение и личность

Выше уже отмечалось, что понятие социального контекста давало возможность исследования реального общения в больших и малых группах и взаимодействия людей внутри этих групп.

Исходя из своей концепции трех сторон общения, Г.М. Андреева выстраивает модель расширения группового общения человека, в которой ведущей тенденцией является выход за пределы малой группы в большую. Таким образом, ею определяется и последовательность в социально-психологическом исследовании группы – вслед за анализом психологии больших социальных групп осуществляется переход к малым группам. Этот принципиально новый для социальной психологии того времени подход дал возможность рассмотреть под другим углом зрения не только сам процесс коммуникации человека и группы, но и процесс становления личности, социализации и инкультурации людей. Так возникает новый, именно российский подход к структуре психологии общения – в единстве трех сторон. При этом с очевидностью встает вопрос соподчинения, иерархии отношений между индивидом и группой. Естественно, что в советский период (до середины 1930-х годов, когда социально-психологические исследования еще не были запрещены) это противопоставление носило еще и идеологическую окраску – коллективизма советского человека и индивидуализма буржуазного. Неудивительно, что наибольшим распространением в то время пользовались работы А.С. Залужного и А.Б. Залкинда, доказывавшие, что главным критерием развития личности является степень ее подчинения коллективу, растворения в его ценностях. При этом в качестве ведущих рассматривались именно не малые, но большие группы – коммунисты, советский народ и т.д., хотя реально исследовалась психология малой группы. Поэтому для отечественной социальной психологии важным было решение вопроса о соединении позиций, в которых индивидуализм сильной личности не противопоставлялся бы коллективизму и соборности русской ментальности.

Но проблема соотношения личности и общества была актуальна и для мировой психологии. Во Франции в начале прошлого века существовали две противоположные позиции – Г. Тарда (2011) и Э. Дюркгейма (1995), позднее изучением становления личности и ее взаимоотношением с обществом занимались Э. Мунье (1999) и Ж. Лакруа (2004): подчеркивали роль активности личности во взаимодействии с окружающим. При этом оба ученых, прежде всего Э. Мунье, писали о значении социума для личностного роста и способности человека преобразовывать мир, преодолевать его давление. Эти идеи очень близки концепции К. Левина (2001), его динамической теории поля и важности для человека не только выходить из-под влияния группы, но и окружающего. Эти представления были

созвучны и психологии социального познания, прежде всего как осознания возможности людей конструировать и переконструировать себя и окружающее.

Заключение

Постоянное развитие и обогащение новыми взглядами и открытиями доказывает трансдисциплинарность принципов научной школы и незримого колледжа, созданных Г.М. Андреевой. Социальный контекст, культура здесь рассматриваются как факторы, структурирующие и выстраивающие процесс социализации и становления социокультурной идентичности в кризисные периоды.

Заложенные в концепции Г.М. Андреевой идеи стимулировали ее дальнейшее развитие в новом цифровом мире, образуя связи между социальной психологией и междисциплинарными исследованиями когнитивных процессов. Сама структура ее концепции построена как структура разомкнутого гештальта. Поэтому незримый колледж расширяется, а научные исследования имеют возможность креативного развития.

Литература

- Адлер, А. Понять природу человека. СПб.: Академический проект, 1997.
- Андреева, Г.М. Образ мира и/или реальный мир? // Вопросы психологии. 2013. № 3. С. 33–43.
- Андреева, Г.М. Наследие А.Н. Леонтьева и современная психология социального познания // Мир психологии. 2003. № 2. С. 124–134.
- Андреева, Г.М. Психология социального познания. М.: Аспект Пресс, 2004.
- Андреева, Г.М. Социальная психология М.: Аспект Пресс, 2002.
- Бахтин, М.М. Собрание сочинений в 7-ми томах. Т. 5. Работы 1940-х – начала 1960-х годов. М.: Языки славянских культур, 1997.
- Гуссерль, Э. Избранные работы. М.: Территория будущего, 2005.
- Дюркгейм, Э. Социология. М.: Канон, 1995.
- Жинкин, Н.И. Язык. Речь. Творчество. М.: Лабиринт, 1998.
- Константа в изменяющемся мире. М.: Московский институт психоанализа, 2024.
- Лакруа, Ж. Избранное: персонализм. М.: РОССПЭН, 2004.
- Левин, К. Динамическая психология: Избранные труды. М.: Смысл, 2001.
- Леонтьев, А. Н. Деятельность. Сознание. Личность. М.: Политиздат, 1977.
- Леонтьев, А.Н. Избранные психологические произведения. М.: Педагогика, 1983.

- Марцинковская, Т.Д., Хорошилов, Д.А. Психология социального познания: перспективы развития в изменяющемся обществе // Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология. 2023. Т. 13. Вып. 1. С. 12–23. <https://doi.org/10.21638/spbu16.2023.101>
- Марцинковская, Т.Д. Философия и социальная психология – попытка диалога // Вопросы философии. 2005. № 12. С. 119–129.
- Московичи, С. Век толп. М.: Центр психологии и психотерапии, 1998.
- Мунье, Э. Манифест персонализма. М.: Республика, 1999.
- Пригожин, И.Р. От существующего к возникающему: Время и сложность в физических науках. М.: Наука, 1985.
- Рубинштейн, С.Л. Бытие и сознание. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1957.
- Рубинштейн, С.Л. Человек и мир. М.: Педагогика, 1973.
- Тард, Г. Законы подражания. М.: Академический проект, 2011.
- Шпет, Г.Г. Психология социального бытия М.: Академия педагогических и социальных наук, 1996.
- Эко, У. От древа к лабиринту. Исторические исследования знака и интерпретации. М.: Академический проект, 2016.
- Эко, У. Открытое произведение. М.: Академический проект, 2004.
- Эриксон, Э. Детство и общество. СПб.: Летний сад, 2000.
- Эриксон, Э. Идентичность: юность и кризис. М.: Прогресс 1996.
- Ярошевский, М.Г. Историческая психология науки. СПб.: Наука, 1994.
- Piaget, J. Psychology and Epistemology: Towards a Theory of Knowledge. Harmondsworth: Penguin, 1972.

Сведения об авторе

Татьяна Д. Марцинковская, доктор психологических наук, профессор, Федеральный научный центр психологических и междисциплинарных исследований, Москва, Россия; 125009, Россия, Москва, ул. Моховая, д. 9, стр. 4; Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125993, Россия, Москва, Мнусская пл., д. 6; Московский институт психоанализа, Москва, Россия; 121170, Россия, Москва, Кутузовский пр., д. 34, стр. 14; ip@rggu.ru

Martsinkovskaya T.D.

Invisible college of Galina Mikhailovna Andreeva
in the framework of the culture of XX century

Federal Scientific Center for Psychological and Interdisciplinary Research, Moscow, Russia
Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia
Moscow Institute of Psychoanalysis, Moscow, Russia

Currently, in the complex and uncertain social world, various theories are developing to respond to the challenges of the new digital era. It seems that the concept of social cognition by G.M. Andreeva has not lost its relevance and retains its heuristic value today. The purpose of the article is to present a holistic picture of the theory of G.M. Andreeva, which made it a scientific school and the center of an invisible college uniting students and followers of G.M. Andreeva. The methods of the historical-genetic approach, historical hermeneutics and categorical analysis are used. These methods made it possible to reveal the productivity of the concept of psychology of social cognition, its transdisciplinarity and connection with postmodernism, the links and differences with the ideas of W. Eco and J. Piaget. The options for the existence of scientific schools in the natural and humanitarian sciences are shown; the factors that determined the productivity and adequacy of the scientific school of G.M. Andreeva for social psychology in the second half of the twentieth century are highlighted. The features of the new methodology and method of this school are described as well as its connection with the theory of activity of A.N. Leontiev. The principles (activity and integrity) and elements of the system that link social psychology with philosophy and linguistics are highlighted, new content of the concepts of being, sign and meaning is revealed. It is the specificity of the approach to these concepts that made it possible to place the study of social being in the center of the psychology of social cognition, and the development of the concepts of meaning and sense became the basis for studying identity, communication and socialization, the connection of cognitions and emotions. Approaches to the analysis of the interaction of the individual and society are outlined and its connections with the theories of Russian and foreign scientists are revealed. It is concluded that the ideas embedded in the concept of G.M. Andreeva have proved their productivity in the new digital world, helping to build new connections between social and cognitive psychology, revealing new aspects in both humanitarian and natural science studies of man and society. The structure of the developing gestalt determines not only the enormous potential of G.M. Andreeva's psychology of social cognition, but also the fruitfulness of further expansion of her "invisible college".

Key words: scientific school of G.M. Andreeva, invisible college, transdisciplinarity, postmodernism, theory of activity, sense and significance

For citation: Martsinkovskaya, T.D. (2024). Invisible college of Galina Mikhailovna Andreeva in the framework of the culture of XX century. *New Psychological Research*, No. 4, 44–61. DOI: 10.51217/npsyresearch_2024_04_04_02

References

- Adler, A. (1997). *Understanding the Nature of Man*. St. Petersburg: Akademicheskii projekt.
- Andreeva, G.M. (2002). *Social Psychology*. Moscow: Aspekt Press.
- Andreeva, G.M. (2003). The Inheritance of A.N. Leontiev and Modern Psychology of Social Cognition. *Mir psikhologii*, 2, 124–134.
- Andreeva, G.M. (2004). *Psychology of Social Cognition*. Moscow: Aspekt Press.
- Andreeva, G.M. (2013). Image of the World and/or the Real World? *Voprosy psikhologii*, 3, 33–43.
- Bakhtin, M.M. (1997). *Collected Works in 7 Volumes. Vol. 5. Works from the 1940s to the Early 1960s*. Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur.
- Constant in a Changing World. (2024). Moscow: Moskovskiy institut psikhoanaliza.
- Durkheim, E. (1995). *Sociology*. Moscow: Kanon.
- Eco, U. (2004). *Open Work*. Moscow: Akademicheskii projekt.
- Eco, U. (2016). *From Tree to Labyrinth: Historical Studies of Sign and Interpretation*. Moscow: Akademicheskii projekt.
- Erikson, E. (1996). *Identity: Youth and Crisis*. Moscow: Progress.
- Erikson, E. (2000). *Childhood and Society*. St. Petersburg: Letniy sad.
- Husserl, E. (2005). *Selected Works*. Moscow: Territoriya budushchego.
- Lacroix, J. (2004). *Selected Works: Personalism*. Moscow: ROSSPEN.
- Leontiev, A.N. (1983). *Selected Psychological Works*. Moscow: Pedagogika.
- Leontiev, A.N. (1997). *Activity. Consciousness. Personality*. Moscow: Politizdat.
- Lewin, K. (2001). *Dynamic Psychology: Selected Works*. Moscow: Smysl.
- Martsinkovskaya, T.D. (2005). Philosophy and social psychology – an attempt to dialogue. *Voprosy filosofii*, 12, 119–129.
- Martsinkovskaya, T.D., & Khoroshilov, D.A. (2023). Psychology of social cognition: development prospects in a changing society. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Psikhologiya*, 13(1), 12–23. <https://doi.org/10.21638/spbu16.2023.101>
- Moscovici, S. (1998). *The Age of Crowds*. Moscow: Tsentr psikhologii i psikhoterapii.
- Mounier, E. (1999). *Manifesto of Personalism*. Moscow: Respublika.
- Piaget, J. (1972). *Psychology and Epistemology: Towards a Theory of Knowledge*. Harmondsworth: Penguin.
- Prigogine, I.R. (1985). *From the Existing to the Emerging: Time and Complexity in the Physical Sciences*. Moscow: Nauka.
- Rubinstein, S.L. (1957). *Being and Consciousness*. Moscow: Izd-vo Akademii nauk SSSR.
- Rubinstein, S.L. (1973). *Man and the World*. Moscow: Pedagogika.

- Shpet, G.G. (1996). *Psychology of Social Being*. Moscow: Akademiya pedagogicheskikh i sotsial'nykh nauk.
- Tarde, G. (2011). *Laws of Imitation*. Moscow: Akademicheskiiy proyekt.
- Yaroshevsky, M.G. (1994). *Historical Psychology of Science*. St. Petersburg: Nauka.
- Zhinkin, N.I. (1998). *Language. Speech. Creativity*. Moscow: Labirint.

Information about the author

Tatyana D. Martsinkovskaya, Dr. of Sci. (Psychology), professor, Federal Scientific Center for Psychological and Interdisciplinary Research, Moscow, Russia; bld. 9–4, Mokhovaya str., Russia, Moscow, 125009; Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya square, Moscow, Russia, 125047; Moscow Institute of Psychoanalysis, Moscow, Russia; bld. 34–14, Kutuzovskii av., Moscow, Russia, 121170; tp@rggu.ru